

кационными тенденциями глобализации, ответ «глобальным силам» [7]. Тенденция глокализации проявляет себя как непосредственно в возрождении интереса к возрождению интереса к национальной истории и национальным традициям, актуализации национальных и региональных праздников, развитии традиционных местных промыслов, введении в повседневный оборот национальных элементов в одежде (мода на стиль «этника»), расширение сферы использования национальных языков и даже диалектов и т.п. В этом контексте феномен малой родины обретает новое звучание, обретая новую актуальность.

Литература

1. Колас, Я. Новая зямля // Збор твораў у 14 т-х. / Я. Колас – Мінск, 1974. Т. 6 – С. 5-280.
2. Колас, Я. Сымон-музыка // Збор твораў у 14 т-х. / Я. Колас – Мінск, 1974. Т. 6 – С. 281-472.
3. Льюис, К.С. Любовь / К.С. Льюис // Философия любви в 2-х ч-х. Антология любви. – М., 1990. Ч. 2. – С. 565-574.
4. Лавджой, А. Великая цепь бытия. А Лавджой, – М., 2001.
5. Можейко, М.А. Социализация // Всемирная энциклопедия: Философия / М.А. Можейко – М., Минск 2001. – С. 980-982.
6. Рассел, Б. История Западной философии / Б. Рассел – М., 2009
7. Giddens, A. Runaway World / A. Giddens. - New York, 2000.

Дик П.Ф. Интеграция философии и образования в мифотипе

В философии мифа выделяем достижения А.Ф. Лосева и Ф.В.Й. Шеллинга. Лосев диалектически выводит и формулирует сердцевину мифа: «миф есть развёрнутое магическое имя» [3, с. 214]. Уточним терминологию. Мифотип есть обозначение мифической составляющей реального социально-культурного бытия личности, индивида и сообществ. Мифотип – конкретный тип органичного мировоззрения; мифотворчество всех возрастных групп социумов повседневности. Мифология – обозначения обобщения мифа в её двух основных версиях: философско-научное исследование мифа и целевая пропаганда мифа. Вторая версия близка известным смыслам идеологии, идеократии, политического мифа, просвещения. Рейтинг, ранжирование индивидов и групп, личности и

социума в собственно человеческом общежитии есть мифотип – культурный метод состязательности социально-природной жизни, в которой идеи-мифы преобразуются самой жизнью и потому превращаются в жизнь обновлённую. Рейтинг-мифотип может стать восхождением к органичному единству диалектического человека: умному событию человека с человеком, человека и природы. По Гегелю, достигнуть синтеза, то есть взрасти к высшей форме духовно-телесной жизни-культуры способом разрешения противоречия жизни и машины.

У синтеза есть имя от В.И. Вернадского – ноосфера. Ноосфера освящена в формах религии, преобразована в искусстве, осмыслена в философии, обоснована в науке. Ноосфера может утвердиться в жизни, стать нормой повседневности только посредством мифа категорического императива. Ноосфера в качестве мифотипа и есть реальная планетарная этика, она же позитивная духовность, она же терапевология как практическая философия в евразийской культуре.

Реальная ноосфера исторична, поскольку становится на основе, частично стихийно освоенной нашими предками; она не исторична в том смысле, что способна осуществляться неограниченное время, поскольку берёт у природы, как минимум, не больше, чем даёт ей. Современные интерпретации вечных идей мира, благоговения перед жизнью, согласия, сотрудничества, любви, приоритета духовности, служения согласно высшим идеалам, минимального воздействия на природу, безусловно полезны уже тем, что приучают поколения людей, развращённых губящим весь мир излишеством вещей, к неизбежности интегрированного образа жизни «умных дикарей». Остаётся главный вопрос: как перейти к умному образу жизни, как – всем добровольно – отказаться от безумной расточительности всё более уязвимой машинной эпохи с её циничным мифом «после нас хоть потоп»? Печальный опыт и обнадеживающие достижения человеческих общностей есть свидетельство бессилия вечно-умных идей или доказательство их необычайной мощи, позволяющей людям жить несмотря на деяния, кардинально искажающие идеи? Однозначного ответа нет. Есть спасающий способ жизни – жить.

Аристотель размышляет об удивлении, общем для мифологии и философствования: миф основывается на удивительном, удивление побуждает философствовать. Чудо как мифический символ у А.Ф. Лосева выводится из смысла слова «чудо» – удивление явившемуся [3, с. 187]. Отсюда правомерность мнения Лосева о наличии

мифа в философии или философском мифе. Следовательно, философский мир образования может и должен быть мифологией и мифотипом. Полагаем, что идея и концепция информационного общества есть свидетельство реальной возможности перехода человечества от мифа «механосферы» к ноосфере. Здесь возрожденческая идея, миф и практическая сверхзадача научно-технического познания с целью создания поточного машинного производства: сотворение досуга для всестороннего развития личности, всех индивидов и сообществ. Нужно восстановить человека, вернуться к реализации сверхзадачи, идеала и мифа от высших личностей исторического человечества – подлинной гуманизации мира – на основе новейших ценностей, осмысленных и преобразованных мировоззренческих ориентиров. В процессе кочеловечиванию культуры постиндустриальное развитие «скорее, следует интерпретировать как переход к новому типу цивилизационного развития» [4, с. 99]. В собственно культурном развитии по сути «репортёрский» миф «механосферы» может быть вытеснен заменён философско-научным мифом или терапеологией.

Терапеология – учение о свободно-ответственном служении гармоничной личности высшим ценностям [1]. «Философия есть здоровье разума (*status salubritatis*), в этом её воздействие» [2, с. 247]. Согласно Канту, терапевтическое целительство этим лекарством, чтобы человечество «заживо не протухло», предполагает наличие профессионалов духовности, знающих каким образом и «какую философию следует изучать» [2, с. 248]. По мнению Шеллинга, высшая цель общего философского преподавания состоит в вольном воспитании молодёжи, способной «обрести стойкость и силу в произведениях древности и постоянно проникаться их духом. Следовательно, большинство изучает философию не для того, чтобы в свою очередь стать философами, а для того, чтобы обрести те великие убеждения в их взаимосвязи, без которых нет ни самостоятельности образа мыслей, ни достоинства жизни» [5, с. 379].

Итак, утверждение разумного стиля и образа жизни человека возможно посредством активного противостояния стихии безумной жизни. В желаемом процессе соучаствуют мифотип и две стороны мифологии: идеократия с реальным философским основанием и собственно философское образование. Структуры идеократии знают состояниемифотипа и умно координирует его динамику. Свободно-ответственное философствование может реализоваться в

принципах образования, искусства, пропаганды. Скажем, привлечь индивидов вечными идеями, азами самостоятельного мышления, видами позитивной духовности, а также минимумом в вещах от «дикаря».

Жить по обновлённому старому, становиться «умным дикарём» в евразийской, планетарной культуре должно стать престижным для личностей, всех групп и сообществ. Например, уровень процветания этнокультуры может определяться совокупным рейтингом счастья каждого человека и всех групп, достигаемого участием в «зелёной» экономике и показателями высокой позитивной духовности.

Литература

1. Дик, П.Ф. Культурология и терапеология как знание и культурная практика / П.Ф. Дик // Человек и наука в современном обществе. Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. – Алматы, 2012.
2. Кант, И. Благая весть о близком заключении договора о вечном мире в философии: Соч. в 8 т. Т. 8 / И. Кант. – М., 1994.
3. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М., 2001.
4. Стёпин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Стёпин. – СПб., 2011.
5. Шеллинг, Ф.В.Й. Введение в философию мифологии: Соч. в 2 т. Т. 2 / Ф.В.Й. Шеллинг. – М., 1989.

Мельник В. М. Идеологические образы скифо-сарматской этногенетической концепции.

Характер Скифского государства VII-III вв. до н. э. очень нестандартен для дальнейшего хода евразийской политической истории, а следовательно нуждается в специальном исследовании [5]. Пришлые с задонских и приуральских степей кочевники-скифы сумели наладить мирный контакт с автохтонным населением украинской и российской лесостепи и организовать общую социально-политическую структуру. Скифы не смогли создать единой этнической системы, но их заслуга заключается в создании крепкого государства мирового значения (по крайней мере, для тогдашней древнегреческой ойкумены) с собственной протогражданской идентичностью. Само слово «скифы» трансформировалось из этнонима в название населения древних территорий России, Белоруссии и